



— Насколько автобиографичен фильм “Не глотать”?

— Знаете, художник, скульптор, танцор, композитор — все они создают автобиографические произведения. Действительно, “Не глотать” в некотором роде автобиографичен: я жил в таком квартале, в этом фильме есть кое-что от моего отца, кое-что от моего шурина, и, конечно же, в каждом из персонажей есть что-то от меня. Ближе всех мне ребенок, маленькая девочка.

— Ваша семья видела этот фильм?

— Они были очень тронуты его честностью. А моя жена впервые посмотрела его в Каннах во время фестиваля. Помню, в конце сеанса она повернулась ко мне, вся в слезах, и сказала: “Какой же fucking тяжелый фильм!” Я ответил: “Да, я знаю, спасибо!”

— Когда вы ощутили в себе потребность писать сценарий “Не глотать”?

— Я начал говорить об этом проекте пять лет назад. Мне хотелось снять фильм о моих корнях, о моем детстве. Но я все время снимался в фильмах других режиссеров, мне было некогда заняться своим проектом. Каждый раз когда я выкраивал время и уединялся перед листом бумаги, раздавался телефонный звонок и мне предлагали новую роль. А я, как и все остальные актеры, не могу не играть, если предлагают. И сроки платежа по счетам снова откладывались. Так прошло три года, потом я сказал своему агенту: “Нет, я все-таки напишу сценарий своего чертова фильма, иначе просто подохну! Пусть звонит хоть Мартин Скорсезе, я переживу без его очередного шедевра!”

— Почему такая категоричность?

— Потому что мне ужасно хотелось сделать фильм, чтобы я мог его посмотреть. О проблемах, затрагивающих за живое меня и многих людей, которых я люблю. О проблемах, убивающих. Я видел много фильмов, в которых говорится об алкоголизме, но чаще всего в них ситуация приукрашивается. Я снимал Раймонда (главного

героя — прим. ред.) крупным планом в баре за стаканом виски, а потом камера отъезжала, и мы видели, что бар пуст. Вот в чем ужас алкоголизма: человек остается в одиночестве. В 10 утра он сидит в пустом баре, а должен быть дома и играть с детьми.

— Стали ли съемки этого фильма своего рода психотерапией для вас лично? Ведь не секрет, что вы лечились в клинике для алкоголиков.

— Сегодня я не уверен, что, снимая фильмы или играя в них, можно изгнать демонов и испытать катарсис. Я уже несколько лет об этом думаю. У меня было чувство, что актерская игра — своего рода терапия, выброс чувств. Я использовал этот образ. Актер, как объемная картина с пересыпающимся разноцветным песком: его встряхивают, он пересыпает эмоции из одной части души в другую. Вот только разбить стекло он не может. Невозможно избавиться от своих эмоций. Но зато сочинение сценария “Не глотать!” стало для меня настоящим освобождением. И съемки тоже. Хуже всего мне пришлось при монтаже, когда я смотрел на все это. Многие из того, что показано в фильме, — очень личные впечатления, я тяжело их переживал. Увидеть это снова — все равно, что принять холодный душ.

— Один из персонажей фильма принимает себя за Денниса Хоппера в “Апокалипсисе сегодня”. Вы хотели этим подчеркнуть, что актерское ремесло очень связано с наркотической зависимостью?

— Играть — значит убежать. Удалиться от себя на максимальное расстояние. Поэтому принимаешь травку, валиум, алкоголь. Хочется оказаться в другом месте. На определенном этапе работы я хотел назвать фильм “Где угодно, только не здесь”, потому что я пил, чтобы сбежать от проблем.

— Вы тяжело переживали газетную шумиху вокруг вашего лечения в клинике?

— Когда я решил лечиться, сначала надеялся, что мне удастся сохранить анонимность. Но, как выяснилось, я — достояние публики. Мое имя помогает продавать газеты. Представьте себе огромный заголовок: “Гэри в пьяном бреду”, “Гэри лечат от запоя”. И тогда я решил, что буду все делать открыто. Это был своего рода вызов — и себе, и другим.

— А режиссура — тоже вызов?

— Ну, это немного разные вещи! (смех) Самое сложное при постановке — умение делиться с другими людьми своим видением. Особенно трудно, когда снимаешь в первый раз. Я все время пребывал в абстрактном измерении. Я говорил, что здесь нужен шум, а меня спрашивали: “Чтобы эффект был как в “Колумбо”? Я же хотел, чтобы у зрителя было состояние клаустрофобии.

— Для новичка вы пользуетесь камерой на редкость умело. Вы учились режиссуре?

— Думаю, есть грамматика кино, язык киноповествования, который постигается интуитивно. К тому же снимался в достаточно большом числе фильмов, чтобы знать общие правила кадрирования — крупные планы, средние, общие. Мой монтажер сказал, что “Не глотать!” не может быть моим первым фильмом, потому что я чувствую будущий монтажный ритм. Я так и не понял, что имеется в виду! (смех) Я верю, что главное — правильный баланс. Если фильм был бы слишком жестко структурирован, слишком

ком формалистичен на стадии сценария, я бы разрушил то, что мне хотелось показать. Я хотел сделать честный фильм, в котором ночь была бы настоящей ночью. Мне не хотелось мучлевать с “американскими ночами” — фильтрами и прочими чудесами техники.

— Чтобы достигнуть аутентичности, вы идете до конца в самых тяжелых сценах — например, когда герой пытается звонить из своей квартиры, из которой уехала вся его семья.

— В этой сцене я хотел показать, что происходит в мозгу алкоголика. Он уже не осознает, что телефон отключен. В его голове все функционирует как всегда. Чтобы зритель почувствовал это раздвоение, я снял персонажа с телефоном в ванной, в пустой комнате сына, бродящего по дому, как призрак, и верящего, что он говорит по теле-

Это медленная смерть в страшных муках. В Каннах Матье Кассовиц спрашивал меня, понравилось ли мне работать режиссером. Я ему ответил: “Это было потрясающе, но мне все время хотелось сложиться пополам, чтобы спрятать голову в заднице!”

— Значит нет опасности, что вы уйдете из актеров в режиссеры?

— Думаю, всегда будут фильмы, в которых я захочу играть. Как, например, новый фильм Теренса Малика “Тонкая красная линия”, в котором я сыграл небольшую роль. У меня было всего четыре съемочных дня. Я рад, что Теренс вышел из подполья и снова начал снимать. Когда вас приглашает режиссер та-

Гэри Олдман: “Играть — значит убежать от себя”

Для отечественного зрителя Гэри Олдман — профессиональный исполнитель ролей негодяев и извращенцев. Он прославился в английском кино в роли панка Сида Вишеса (фильм “Сид и Нэнси”), а позже перебрался в Голливуд, где играл Дракулу в одноименном фильме Копполы, снимался в фильмах “Настоящая любовь” (злодей-наркодилер), “Леон” (злодей-полицейский), “Пятый элемент” (злодей-бизнесмен), “Президентский самолет” (злодей-террорист), “Затерянные в космосе” (злодей-астронавт).

Но помимо злодейских ролей в боевиках Олдман занимается режиссурой и в прошлом году снял фильм “Не глотать”, он был удостоен приза Каннского фестиваля за лучшую женскую роль (английская актриса Кэти Бэрк). Поставив эту историю о жизни бедной английской семьи (отец — алкоголик, сын увлекается наркотиками), Олдман заявил о себе, как о ярком и жестоким режиссере, который не боится идти в искусстве до конца.



фону. Это позволило мне показать, что убежать от проблемы невозможно. Можно накачаться до мертвецкого состояния, но утром вы проснетесь и снова встретитесь со своими проблемами.

— Каким образом актер играл алкоголика?

— В сценарии по поводу этой сцены написано только: “Раймонд сражается со своими демонами”. Сначала я заставил играющего эту роль Рэя Уинстона выпить пару глотков, чтобы немного раскрепоститься, а когда он находился в спальне или в ванной, я давал ему четкие указания: “Смотри в зеркало. Думай о своем отце. Подними глаза к небу”. Как в немом кино. Кстати, нам потом было довольно трудно вставить в пленку диалоги. Очень многое Рэй понимал инстинктивно. Великие режиссеры всегда уделяют актерам много внимания и они правы: удачно подобранные исполнители — половина успеха.

— А вторая половина? Непосредственно постановка, как вы с ней справлялись?

— Кто-то сказал мне: “Ставить фильм — значит, отдать себя на растерзание птицам, как в фильме Хичкока”. Это правда. Так много вещей, о которых нужно помнить, что просто нет времени и сил, чтобы сосредоточиться на самом фильме. В течение дня тебе все время задают idiotские вопросы: “Мне подойдут эти ботинки? Эту фотографию можно поставить на камин? Что делать, потерялась декорация для завтрашней сцены”.

кого калибра, невозможно отказаться. Мне было даже немного страшно. Я снова вспомнил, почему захотел стать актером. Но, конечно, в большинстве случаев съемки в кино — это просто работа.

— А режиссура? Может быть, через несколько лет, после еще пары фильмов...

— Нет-нет! Снимая “Не глотать!”, я был полон энергии. Мне казалось, что у меня открылось второе дыхание! Это невероятно будоражащее чувство — ты приходишь на съемочную площадку, а тебя спрашивают: “Куда вы хотите поставить камеру?” И ты гордо и уверенно показываешь пальцем: “Вот сюда!” И камеру действительно ставят на это место и не двигают, пока ты не скажешь: “Знаете, я подумал, что ее нужно передвинуть вон туда”. Когда я в первый раз в жизни сказал “мотор!” и “стоп!”, это была просто фантастика! Я был счастлив, как ребенок.

— Вы собираетесь показать фильм вашим детям?

— Когда они подрастут. Моему сыну от первого брака 9 лет. Как все разведенные отцы, я вижу его только во время каникул и на уикэндах. Моя приятельница посоветовала мне вести что-то вроде дневника, чтобы позже я мог ему показать свои записи и навестить таким образом упущенное время. Посмотрев “Не глотать!”, она мне сказала: “Помнишь, я говорила тебе насчет дневника. Ты его уже написал”.

Мишель БАЙЕН
ЛОНДОН



Виктор Тарн

03.98